

К.А. ПОЖАРСКАЯ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА СИБИРИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВВ.

Формирование образа далекой Сибири в сознании крестьян конца XIX—начала XX вв., проживавших в Европейской части России, осуществлялось в результате их ознакомления с различными видами источников, ведущую роль среди которых играла информация, полученная в ходе личных контактов. Так, в результате опроса 1000 переселенцев, осуществленного в 1907 г. черниговским земством, было выяснено, что 58% крестьян, решившихся переселиться, в своих действиях руководствовались слухами, 25% — ориентировались на информацию, полученную из писем родственников и бывших однообщинников, и лишь 17% крестьян воспользовались сведениями, содержащимися в официальных печатных изданиях (Чуркин М.К. О соотношении экономических и психологических причин в принятии решений о переселении в Сибирь крестьян Европейской России в пореформенный период // Проблемы историографии и истории Сибири. Омск: изд-во ОмГПУ, 2002. С. 74). Выбор в качестве приоритетных источников личного или частного характера во многом был связан с традиционным недоверием крестьян к правительственным органам: «не иначе как господу напросили, чтобы народ устращать и в Сибирь не пушшать. Вишь пишут в книжке, что и зима там долга и холодна и кормов надо запастись боле и летом морозы бывают иногда. А все это неправда. Наши об этом не писали, а пошто им обманывать? Ведь не кто-нибудь, а наши родные дядья да племянники. Да и ходоки не ослепли, видят, что хорошо и что дурно» (Чарушин А.А. Крестьянские переселения в бытовом их освещении. Архангельск, 1911. С. 8). Прямая взаимосвязь между процессом обратного движения переселенцев в Европейскую часть России и уровнем информированности крестьян, основанной по преимуществу на слухах, особенно отмечалась на страницах журнала «Сибирские вопросы» (Итоги переселенческого движения // Сибирские вопросы. 1907. № 7. С. 22).

Переселенец в Томскую губернию Беляков И.Е., подчеркивая определяющую роль слухов в принятии решения о переселении, в своих воспоминаниях воспроизвел типичный для конца XIX—начала XX вв. рассказ своего однообщинника: «...вон вчера ночевал у Петрушки Малитенного нищий, там был (имеется в виду в Сибири. — К.П.) ...видел своими глазами, как казна строит для прибывших... целые села и деревни под одну крышу, а местами большие казармы. Чтобы на один раз поместить семей по десять, а потом казна повыстроит на каждого по дому, а если где нет лесу — каменные... Всеми этому отрадному пророчеству мои бедняки слушали по целым дням в корчме, даже забыв про обед и ужин» (Беляков И.Е. Переселенец о Сибир-

ри // Русское богатство. 1899. № 3. С. 3). Высокий уровень авторитетности в крестьянском обществе «божьих людей» (нищих, прохожих странников, сборщиков средств на нужды церквей и т.д.), не утративший в конце XIX—начале XX вв. своей актуальности и связанный с традиционным для массового крестьянского (как и в целом русского) сознания мистицизмом, способствовал безоговорочному доверию крестьян к сообщаемым ими сведениям.

Преувеличенный и зачастую фантастический характер распространяемой в крестьянской среде информации во многом был детерминирован реальными устремлениями и идеалами крестьян, их представлениями об оптимальных условиях жизнедеятельности: «...везде чернозем на два аршина, вспахал один раз, посеял и получишь урожай по три года без всякой работы, а для картошки — копни только ямку, и из одной картошины вырастет целая мерка... для всех переселенцев большая от казны помощь и деньгами, и имуществом и дают ее всем и богатым и бедным. Податей не плати двадцать лет и в солдаты не иди десять лет, а хлебом будут кормить, поколя у переселенцев свой не уродится; вообще все полагается казенное» (Чарушин А.А. Указ. соч. С. 7). В подобных «мечтаниях» находило выражение и общее состояние неудовлетворенности крестьян результатами Великой реформы 1861 г. и традиционные для крестьянского мировоззрения ожидания патримониального покровительства со стороны царя-батюшки и государства. По мнению гласного черниговского земского собрания А.А. Свечина, уверенность в получении государственной помощи нередко заключалась в самой сути движения самовольных переселенцев, считавших что в Сибири «много свободной земли, где их непременно должны устроить» (Свечин А.А. Отчет о командировке в Сибирь для ознакомления с постановкой переселенческого дела. СПб., 1910. С. 38).

Немаловажное значение в формировании образа Сибири имели также сведения, получаемые потенциальными мигрантами от родственников и знакомых, обосновавшихся в Сибири. Переселившийся в Енисейскую губернию крестьянин писал родственникам, проживающим в Вятской: «...трава самая едкая для скотины, и коси ее сколь душе угодно. Хлеб ли вздумаешь посеять, посеи один пуд и сыт. А ягоды малины и собирать не надо: привязал к рогам коровы лукошко, когда с утра она пойдет на подножный корм, и к вечеру принесет тебе полнешеньким его, потому, как, значит, ест скотина траву в малинике, так ягоды и сыплются прямо в лукошко» (Чарушин А.А. Указ. соч. С. 7). Однако помимо заведомо преувеличенных сведений письма из Сибири бесспорно содержали в себе целый массив полезной информации экономического и социокультурного характера. Например, в своем письме на родину переселенец, водворившийся в поселке Новоразинском Барнаульского округа, сообщал, что «... у нас лето было сухое, хлеб был среднего роста, а который и рвали. А цена на хлеб не очень дорогая: мука пшеничная по семьдесят копеек пуд, а пшеница пуд сорок копеек... сена косить можно сколько желаешь и пахать для хлеба тоже самое, сколько угодно и силы хватит...» (Сибирские переселения. Документы

и материалы. Вып. 1. Новосибирск: НГУ, 2003. С. 151). Выступая в качестве побудительной к переселению силы, сведения, содержащиеся в письмах родных, непосредственно влияли на выбор ареала миграции потенциальных переселенцев, способствовали более эффективной подготовке к переезду: «Если вам угодно идти, то идите на пароходе до самого Барнаула, почти до самого места. Становится расход на человека 19 р. серебром, идите ранее осени или на весну» (Там же. С. 150). Кроме того, переселение на территорию проживания земляков облегчало процесс адаптации мигрантов к новым природно-климатическим и социокультурным условиям посредством образования «краев» или «концов», т.е. очагов компактного проживания по земляческому или этническому принципу.

Информация о Сибири в основном прагматического характера крестьяне получали от ходоков, однако нередко, как отмечали сотрудники Переселенческого управления, ходоки исполняли свои обязанности невнимательно, формально, препятствуя тем самым получению продуктивных сведений (Переселение и заготовка земель для переселенцев (Важнейшие цифровые данные за последние годы). СПб., 1907. С. 8).

Таким образом, процесс формирования образа Сибири в сознании потенциальных мигрантов из Европейской части России в конце XIX—начале XX вв., складывавшегося в ходе личных контактов, имел противоречивый результат: с одной стороны, в представлениях крестьян возникала неадекватная, а нередко и совершенно нереальная картина условий жизнедеятельности и хозяйствования в Сибири, что в свою очередь приводило к замедлению и затруднению процесса адаптации мигрантов в новой среде обитания. В тоже время информация частного происхождения по своей сути часто представляла собою своеобразный первоначальный этап адаптации, поскольку акцентировала внимание крестьян на важнейших аспектах жизнедеятельности в Сибири, способствовала более эффективной организации самого процесса переселения на всех его этапах (от подготовки до непосредственного переезда). Данная противоречивость была обусловлена целым рядом факторов как субъективного (особенности мировоззрения крестьян, господство в крестьянском обществе устной традиции и т.д.), так и объективного характера (отсутствие достоверной и достаточной информации о Сибири, низкий уровень грамотности крестьян, не позволявший ознакомиться с официальными изданиями о регионе и т.д.).

А.В. ПОПОВ

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В данной работе будут рассмотрены вопросы историографии социального развития Горного Алтая в годы Великой Отечественной войны.